

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ

К настоящему времени терроризм и связанные с ним деяния получили специальную криминализацию и пенализацию в уголовном праве большинства стран мира. Современное уголовное законодательство содержит целые системы норм об ответственности за преступления террористического характера, существенно отличающиеся друг от друга в различных странах. Осуществлена его криминализация и в большом числе международных антитеррористических договоров универсального и регионального характера. Автор отмечает, что разница приведенных в них дефиниций создает препятствия для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по уголовным делам о терроризме. Преодолеть эти трудности возможно в случае выработки общепризнанного определения понятия «международный терроризм» и придания ему юридически обязательной силы международным договором универсального характера. По результатам проведенного исследования в статье приводятся актуальные данные о современном состоянии решения международным сообществом проблемы криминализации международного терроризма, о факторах, влияющих на этот процесс, вносится предложение о необходимости криминализации международного терроризма в отечественном уголовном праве.

Ключевые слова: терроризм; международный терроризм; криминализация; международный договор; уголовное законодательство; ООН; проект Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

Международный терроризм, как явление и разновидность транснациональной преступности, появился в 60-х гг. прошлого столетия в качестве формы борьбы наиболее радикальных политических группировок и экстремистских элементов с неугодными им правящими режимами, правительствами или представителями других политических и общественных взглядов. Многие резонансные теракты произошли в период холодной войны, когда международные террористы стали орудием в руках спецслужб и наиболее радикальных политических сил [9].

Современная система коллективной безопасности нацелена в числе иного

на защиту международного мира и безопасности от терроризма [1]. Особенно от его проявлений на международном уровне. Однако хотя терроризм превратился в острейшую проблему современности и борьба с ним уже стала проблемой всего человечества, до настоящего времени не решен один из основополагающих вопросов этой деятельности — об определении общепризнанного понятия «международный терроризм», а также о единстве криминализации последнего, что создает серьезные проблемы в противодействии ему.

К настоящему времени терроризм и связанные с ним деяния получили специальную криминализацию в уго-

ловном праве большинства стран мира. Современное уголовное законодательство содержит целые системы норм об ответственности за преступления террористического характера, существенно отличающиеся друг от друга в различных странах. Последнее обстоятельство, по мнению экспертов, влечет за собой отсутствие единых подходов, единой правовой базы и международных стандартов в борьбе именно с международным терроризмом, когда одни организации признаются террористическими в ряде стран, но не являются таковыми в других странах; например, в России признаны террористическими 20 организаций, а в США — около 45 и только 9 из них фигурируют в списках обоих государств [9].

Ввиду большого разнообразия определений терроризма в нормах внутригосударственного и международного права на проблему их соотношения и необходимости выработки единых общепризнанных определений «терроризм» и «международный терроризм» сформировалось две точки зрения.

В соответствии с первой наличие строгих определений «терроризм» и «международный терроризм» для эффективной международной борьбы с ними не является обязательным, поскольку именно суверенные государства самостоятельно определяют преступность и наказуемость таких преступлений на своей территории.

Сторонники второй точки зрения полагают, что юридически строгое определение названных понятий обязательно необходимо в качестве основополагающего условия успешной борьбы с ним.

При столь полярном подходе, истина находится где-то между этими точками зрения, поскольку и в отсутствие общепризнанных определений понятий «терроризм» и «международный терроризм» ныне сформиро-

вана и постоянно эволюционирует система международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, как урегулированная нормами международного и внутригосударственного права совместная деятельность субъектов международных отношений и внутригосударственных правоотношений по обеспечению правовой защиты личности, общества, государства и мирового сообщества от террористических преступлений.

В соответствии с международно-правовыми документами международное сотрудничество в борьбе с терроризмом осуществляется на глобальном (универсальном), региональном, субрегиональном и двустороннем уровнях. Эти уровни не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга, и в их основе лежат единые принципы, основными из которых являются:

- принцип законности или верховенства права;

- принцип безоговорочного осуждения как преступных и не имеющих оправдания актов, методов и практики терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись;

- принцип недопустимости оправдания актов терроризма независимо от того, какими бы соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера ни руководствовались лица, их совершающие;

- принцип бескомпромиссной борьбы с терроризмом во всех его формах и проявлениях;

- принцип укрепления международного сотрудничества по предотвращению, пресечению и ликвидации всех форм терроризма;

- принцип всесторонности оказания правовой помощи для обеспечения задержания и судебного преследования или выдачи лиц, совершивших тер-

рористические акты и оказывающих им содействие, согласно положениям международных договоров, внутригосударственного законодательства и на основе взаимности;

– принцип непредставления убежища лицам, занимающимся террористической деятельностью или оказывающим им содействие;

– принцип недопустимости участия государств в организации, подстрекательстве, оказании помощи или участии в террористических актах в другом государстве или содействия организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов;

– принцип всестороннего воспрепятствования финансированию терроризма и лишения терроризма финансовой основы.

Несмотря на множественность источников правового регулирования, международное сотрудничество в борьбе с терроризмом осуществляется в рамках определенных организационно-правовых форм, основными из которых являются:

1) принятие согласованных мер по установлению на международно-правовом уровне преступности и наказуемости определенных общественно опасных деяний террористического характера и связанных с ними преступлений, например финансирование терроризма (договорная криминализация и пенализация терроризма);

2) разработка и заключение международных договоров, принятие других международно-правовых документов в качестве правовой основы совместной деятельности государств и международных организаций в сфере борьбы с терроризмом и связанными с ним преступлениями, регламентирующих порядок осуществления ими полномочий, процессуальный порядок такого сотрудничества;

3) учреждение и формирование на договорной и иной международно-правовой основе международных организаций и их органов, осуществляющих свою деятельность в сфере борьбы с терроризмом и связанными с ним преступлениями;

4) межгосударственное взаимодействие правоохранительных органов в пресечении готовящихся или совершенных преступлений террористического характера, в том числе и путем проведения в необходимых случаях ОРД («специальных расследований» по терминологии международных договоров);

5) международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства по делам о преступлениях террористического характера и связанных с терроризмом в формах выдачи, взаимной правовой помощи по уголовным делам, осуществления уголовного преследования по запросам иностранных государств или передачи юрисдикции, исполнения приговоров и решений иностранных судов по делам о таких преступлениях;

6) сотрудничество при исполнении уголовных наказаний, назначенных лицам, осужденным за терроризм, приговоров иностранных судов по таким делам, а также при передаче лиц для отбывания наказания в государство гражданства, в реализации предусмотренных международными договорами мер постпенитенциарного воздействия;

7) сотрудничество в сфере оказания международной материальной, профессионально-технической, экспертной, информационной, научной, образовательной и иной помощи в борьбе с терроризмом;

8) выработка стандартов уголовного правосудия и предупреждения преступности террористического характера, координация деятельности по

борьбе с терроризмом на международном уровне.

Международное сотрудничество в таких формах реализуется на различных уровнях (двустороннем, многостороннем, региональном и глобальном) и в зависимости от интересов государств участников может иметь своей целью как борьбу с терроризмом в целом, так и противодействие его отдельным проявлениям или преступлениям.

По мере роста террористической активности в мире, расширения форм и методов террористической деятельности, ее интернационализации все большее значение приобретает сотрудничество, осуществляемое в процессуальных формах расследования таких преступлений, задержания и привлечения к уголовной ответственности террористов и их пособников, при уголовном судопроизводстве по делам с иностранным элементом в отношении террористов. Однако именно в этой сфере лежат проблемы, порожденные отсутствием общепризнанных определений понятий «терроризм» и «международный терроризм». В их основе — невозможность в ряде случаев обеспечить реализацию по делам о терроризме базовых принципов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, закрепленных в международных договорах, а именно *принципа двойной уголовной ответственности* (двойной криминальности) и *принципа недопустимости выдачи* по запросам иностранных государств лиц, совершивших политические или связанные с ними преступления.

Принцип двойной криминальности состоит в том, что правоохранные органы и суды государств оказывают взаимную правовую помощь по уголовным делам и выдают преступников только в тех случаях, когда деяние, являющееся предметом запроса (ходатайства) о помощи или о выдаче, на-

казуемо в уголовном порядке как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государстве. При этом правоохранные органы и суды значительного числа государств мира, решая вопрос об оказании взаимной правовой помощи или выдаче, детально рассматривают содержащиеся в запросах сведения о деянии, в связи с которым она запрашивается, проверяют, соответствует ли оно, как преступление, нормам национального законодательства собственного государства. При обнаружении несоответствий в оказании правовой помощи или выдаче — отказывается. Понятно, что отсутствие общих подходов к определению составов конкретных преступлений террористического характера и закрепление в законодательстве взаимодействующих стран терминологически различных понятий о них — основание для непризнания двойной криминальности и, соответственно, для отказов в правовой помощи и выдаче.

Второй из названных принципов означает, что государства вправе отказать в выдаче преступника, в том числе и террориста, если из поступившего запроса усматривается, что он преследуется за совершение политического преступления или по политическим мотивам. Именно по мотивам политического свойства, к примеру, отказано в выдаче России террориста Закаева.

Преодоление этих проблем требует уяснения современного состояния правового регулирования в сфере криминализации терроризма с тем, чтобы на основе достигнутого наметить дальнейшие направления сближения позиций государств в формировании единого уголовно-правового поля противодействия терроризму как одного из элементов системы международного сотрудничества в борьбе с ним. Ныне решение этой задачи представляется еще более актуальным, чем даже всего

несколько лет назад, поскольку без этого невозможно обеспечить надлежащую эффективность уголовно-процессуальных механизмов и уголовного правосудия по делам о международном терроризме.

Особенности внутригосударственного законодательства о терроризме

По содержанию и основным формам проявления терроризм является сложнейшим социально-политическим явлением, причем его общественная опасность на протяжении последних десятилетий неуклонно возрастает. Отражением этой сложности стало большое количество определений и их противоречивость, причем как в научных работах, так и в документах, принятых на внутригосударственном и международном уровнях.

Последнее обстоятельство во многом предопределяет сложности с преодолением *различий подходов государств, столкнувшихся с реальной опасностью терроризма в своих странах, к выработке определений терроризма в национальном законодательстве*, в первую очередь при разработке специальных правовых норм, направленных на ужесточение контроля над терроризмом и подавление его проявлений уголовно-правовыми средствами. Большинство стран мира оказались неподготовленными к жестокому всплеску террористического насилия на своей территории, причем не только морально, но также институционально и законодательно. Лишь действительно шокирующие общество своей бесчеловечностью акты терроризма вынудили либеральные правительства, находившиеся после Второй мировой войны под гипертрофированным страхом принятия любых недемократических мер, на принятие уже назревших кардинальных решений.

Первым специальным актом в этой области стал Указ Временного государственного совета Израиля о пресечении терроризма, принятый еще в 1948 г. (*Prevention of Terrorism Ordinance № 33 of 5708–1948*) [38]. Но большинство стран мира, ставших объектом террористических актов, приступили к разработке внутригосударственного законодательства об ответственности за терроризм лишь в 1980-х – 1990-х гг. И сразу столкнулись с трудностью закрепления в нем понятия «терроризм» и определения диспозиций статей о соответствующих составах преступлений. Основная проблема заключалась в общем концептуальном подходе к решению вопроса о том, следует ли закреплять в законах исчерпывающее определение понятия «терроризм». Правовые системы различных стран мира дают различный ответ на него.

В результате законодатели большой группы стран пришли к выводу о том, что формулирование понятия такого специфического преступления, как терроризм, может стать в конечном итоге бесполезным, ибо существующий арсенал уголовно-правовых мер не позволяет описать все действия, способные вылиться в террористические акты. Например, во Франции была предпринята попытка дать единое определение терроризма в УК 1986 г., однако ввиду сложности проблемы было решено применять к уже существующим видам преступлений более строгие меры наказания, если эти действия были совершены в террористических целях. В итоге терроризм по *УК Франции* получил сложную, запутанную отсылочную форму, закрепленную не только в его ст. 421-1 [25], но и в других законах страны, согласно совокупности которых *«террористические акты образуют следующие действия, если они намеренно связываются с какой-либо индивидуальной или кол-*

лективной операцией, имеющей целью существенно нарушить общественный порядок путем устрашения или террора:

– умышленные посягательства на жизнь, умышленные посягательства на личную неприкосновенность, похищение и незаконное лишение свободы, так же как угон воздушного судна, корабля или любого другого транспортного средства;

– кражи, вымогательства, уничтожения, повреждения и порча, так же как преступные деяния в области информатики;

– преступные деяния по делам о боевых группах и расформированных движениях;

– изготовление или хранение смертоносных или взрывных механизмов и орудий;

– производство, продажа, ввоз или вывоз взрывчатых веществ;

– приобретение, хранение, перевозка или незаконное ношение взрывчатых веществ или орудий, изготовленных с применением названных веществ;

– хранение, ношение и перевозка оружия и боеприпасов первой и четвертой категорий;

– преступные деяния, определенные в статьях L 2341-1 и L 2341-4 Кодекса обороны;

– акты, которые намеренно связываются с какой-либо индивидуальной или коллективной операцией, имеющей целью существенно нарушить общественный порядок путем устрашения или террора:

– загрязнение атмосферы, почвы, недр, пищи или пищевых ингредиентов и вод, включая территориальные морские воды, веществами, способными поставить в опасность здоровье человека или животных или природную среду;

– участие в какой-либо группе или каком-либо стоворе, имеющих целью приготовление, характеризу-

ющееся одним или несколькими объективными действиями, к какому-либо из актов терроризма, указанных в предыдущих статьях;

– финансирование террористической деятельности путем предоставления, сбора или распоряжения средствами, активами или каким-либо иным имуществом, или путем предоставления консультаций по этим вопросам с намерением, чтобы такие средства, активы или имущество использовались полностью или частично для совершения террористических актов независимо от того, был или не был совершен такой акт;

– неспособность обосновать происхождение средств, необходимых для ведения своего образа жизни, поддерживая при этом регулярные отношения с одним или несколькими лицами, вовлеченными в совершение одного или нескольких террористических актов».

Столь же многочисленными отсылками, как и во Франции, отличаются антитеррористические статьи отраслевого законодательства и *УК ФРГ* [23], *Индии* [35], *Испании* [22] и многих других государств.

В некоторых других странах приняты более или менее успешные попытки в рамках сложноструктурированных законов обеспечить эффективную криминализацию не только отдельных актов терроризма, но и различных направлений террористической деятельности в целом, в том числе и деятельности таких сложных образований, как террористические организации. В этой связи большой интерес представляет *Закон о терроризме 2000 г.*, принятый в Великобритании (*The Terrorism Act, 2000*) [39]. В нем дано как единое определение терроризма для целей уголовного преследования, так и список преступлений, в отношении которых применяются специальные меры, если они совершены в террористических

целях (в их числе убийство, мятеж, похищение человека или незаконное лишение свободы, угрозы убийством, преступления с использованием взрывчатых веществ).

Одновременно закон содержит ряд специальных составов преступлений террористической направленности, устанавливая уголовную ответственность за любые действия в поддержку террористов и террористических организаций. Среди них: непосредственная подготовка террористов и террористических актов (ст. 54) и руководство террористической организацией (ст. 55); владение предметами для целей, связанных с совершением, подготовкой или подстрекательством к актам терроризма (ст. 57); сбор или запись информации, полезной лицу, совершающему или готовящемуся к акту терроризма, или владение документами или записями, содержащими сведения такого рода (ст. 58), и подстрекательство к терроризму за рубежом (ст. 59). Отдельный блок в законе составляют нормы о преступлениях финансирования терроризма (ст.ст. 15–18): активная или пассивная причастность к финансированию террористов; использование денег или другой собственности или владение ими для террористических целей; заключение сделок по привлечению ресурсов для целей терроризма и отмыwanie денег в интересах террористов. В последующем *Законом о терроризме 2006 г. (The Terrorism Act, 2006)* [40] этот перечень дополнен нормами об ответственности за поощрение подготовки и совершения терроризма, за подстрекательство к нему, а также за распространение в печатных изданиях и сети Интернет материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности, а равно содержащих све-

дения, которые могут быть использованы при подготовке террористических актов (террористических публикаций).

Аналогичная детальная проработанность законодательства о противодействии терроризму характерна и для других стран, относящихся к англо-американской правовой семье (системе общего права), хотя и в нем широко используется отсылочный характер правового регулирования.

Несмотря на отмеченные различия, современный законодатель исходит из того, что терроризм представляет собой сложное явление, средства уголовно-правовой борьбы с которым должны носить комплексный характер. Современное уголовное законодательство предусматривает целую систему норм, направленных на пресечение террористической деятельности. Речь идет о системе составов так называемых преступлений террористического характера, при формулировании которых определяется не столько терроризм, сколько конкретные составы уголовно наказуемых деяний, которые имеют одноименное обозначение.

При этом уголовное законодательство государств обычно не содержит понятий «террористическое преступление» или «преступление террористического характера» — подобными категориями оперирует правовая доктрина. Тем не менее в последние годы в уголовных кодексах или специальных актах антитеррористического законодательства все чаще очерчивается именно круг деяний, совокупность которых понимается как террористическая деятельность. Так, *Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»*¹ в ст. 3 определяет следующие основные понятия:

¹ Собрание законодательства РФ от 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

– *терроризм* – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий;

– *террористическая деятельность* – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

– *террористический акт* – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

А в примечании к ст. 205.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за содействие террористической деятель-

ности, законодатель обозначил перечень преступлений террористического характера, отнеся к ним: террористический акт (ст. 205); содействие террористической деятельности (ст. 205.1); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2), захват заложников (ст. 206); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220); хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278); вооруженный мятеж (279); нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360).

Подобным образом перечни преступлений террористического характера определяются в национальном праве *Дании, Норвегии, Финляндии и других государств Европейского союза.*

Причем государства Евросоюза на основании Рамочного решения Совета ЕС от 13 июня 2002 г. о борьбе с терроризмом (2002/475/JAI) [29] ввели во внутригосударственное уголовное законодательство такое понятие, как совершение преступления с террористическим умыслом.

Так, согласно разделу 6 главы 34а Уголовного кодекса *Финляндии* [41], «*террористический умысел имеет место при совершении любого преступления, если виновное лицо намерено: 1) вызвать у населения сильное чувство страха; 2) необоснованно вынудить правительство того или иного государства*

или другой орган или международную организацию совершить то или иное действие или допустить его совершение или воздержаться от каких-либо действий; 3) необоснованно отменить или изменить конституцию того или иного государства, или серьезно дестабилизировать правопорядок в том или ином государстве, или причинить значительный ущерб экономике государства или важнейшим общественным структурам государства или 4) причинить существенный ущерб финансовым или другим важнейшим структурам той или иной международной организации».

Законодательство некоторых стран мира до сих пор содержит лишь узкий формальный круг норм, ограниченно определяющий это понятие.

Так, статья 84 УК Вьетнама [37] установлено, что за терроризм несут ответственность лица, которые намереваются оказывать противодействие народной администрации и посягать на жизнь должностных лиц, государственных служащих или граждан, а также лица, которые совершают террористические действия в отношении иностранцев с целью осложнить международные отношения Социалистической Республики Вьетнам. Столь же узкое понимание преступления терроризма закреплено в законодательстве КНДР и ряда некоторых других стран, которые относят терроризм к преступлениям против основ конституционного строя.

Известные нам примеры внутригосударственного правового регулирования ответственности за терроризм свидетельствуют, что многие страны при определенных обстоятельствах могут рассматривать террористические преступления если не как политические, то, по крайней мере, как совершенные по политическим мотивам. Особенно характерно это для стран исламской системы права, что допустимо как

заключенными ими многосторонними договорами регионального характера, так и внутригосударственным законодательством.

Например, в ст. 1 Декрета-закона Королевства Бахрейн № 4/2001 указано:

«а) без ущерба для определения терроризма, содержащегося в Конвенции Организации Исламская конференция о борьбе с терроризмом или соответствующих законах, террористический акт квалифицируется как любой акт насилия или угроза применения насилия, независимо от его мотивов и намерений, который совершается ради осуществления единоличного или коллективного преступного плана в целях устрашения и запугивания людей, либо создания опасности для их жизни и имущества, либо причинения ущерба окружающей среде или государственной и частной собственности, либо завладения ими и их захвата, либо создания угрозы для национальных ресурсов или международных объектов, либо создания угрозы для национальной стабильности и безопасности, политического единства или суверенитета независимых государств;

б) согласно принципам международного права, борьба народов, включая вооруженную борьбу, против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и господства, направленная на освобождение или самоопределение, не рассматривается как террористическое преступление» [34].

Некоторые страны при формулировании понятий «терроризм», «акты терроризма», «террористические организации» напрямую увязывают их не только с политической, но и религиозной составляющей этих явлений. Так, в УК Бразилии включена глава «О преступлениях против функционирования демократических институтов и важнейших служб». В ней содержатся положения о преступлении терроризма и наказании за деятельность незакон-

ных вооруженных групп, а также за похищение любых видов транспорта. Виновными в вышеупомянутых преступлениях являются те, кто *«совершает следующие акты, мотивированные политической или религиозной рознью и имеющейся целью распространить террор, с тем чтобы: вызвать разрушения, совершить ограбление, спровоцировать взрыв бомбы, похитить людей, произвести сожжение или расхищение или совершить посягательство на личность или диверсию, что создает реальную опасность или причиняет вред людям. Противоправное деяние может быть квалифицировано как преступление терроризма, если оно мотивировано политической или религиозной рознью или направлено против законного органа и препятствует свободному осуществлению полномочий Союза или других институтов Федерации»* [26].

Аналогичные нормы содержатся в УК Перу [27] и УК Колумбии [28].

Кроме того, имеются государства, законодательством которых не предусмотрена ответственность за терроризм. Так, *УК Нигера* вообще не содержит норм об уголовной ответственности за терроризм и не определяет это понятие, хотя устанавливает ответственность за преступления, которые мировым сообществом отнесены к террористическим: захват заложников; преступления против лиц, пользующихся международной защитой; хранения радиоактивных веществ, изготовления или хранения устройства с намерением причинить смерть человеку или нанести ему тяжкие телесные повреждения или с намерением причинить значительный ущерб имуществу или окружающей среде; финансирование терроризма [32].

Такой разноплановый подход к определению понятия «терроризм» на внутригосударственном уровне при взаимодействии национальных правовых

систем с международным правом во многом и обуславливает непрекращающуюся дискуссию о необходимости или отсутствии таковой применительно к выработке общепризнанного определения понятия «международный терроризм», которое до настоящего времени определено в национальном уголовном праве лишь незначительного числа государств (США, Македония, Черногория, Армения, Белоруссия).

Причем формулировки данного состава преступления в праве разных стран существенно различаются.

Так, согласно § 2331 *Титула 18 Свода законов США*, «термин «международный терроризм» означает деятельность, которая:

а) *включает акты насилия или акты, представляющие угрозу человеческой жизни, которые являются нарушением уголовных законов Соединенных Штатов или какого-либо штата, либо которые являлись бы уголовно наказуемым деянием, если были бы совершены в пределах юрисдикции Соединенных Штатов или какого-либо штата;*

б) *выглядит направленной (i) на запугивание или принуждение гражданского населения; (ii) на оказание влияния на политику какого-либо правительства посредством запугивания или принуждения; либо (iii) на оказание воздействия на действия какого-либо правительства посредством массового поражения, убийства государственного деятеля или его похищения;*

с) *имеет место преимущественно вне территориальной юрисдикции Соединенных Штатов или осуществляется с пересечением государственных границ в смысле используемых для ее осуществления средств, лиц, избранных объектами запугивания или принуждения, либо места, в котором действуют или ищут себе убежище нарушители»* [42].

Статья 447 УК Черногории «Международный терроризм» гласит:

«1. Лицо, которое, руководствуясь намерением причинить вред иностранному государству или организации, совершает похищение человека или иной акт насилия, устраивает взрыв или пожар или совершает иные в целом опасные действия либо угрожает применением ядерных, химических, бактериологических или иных опасных средств, наказываемся тюремным заключением на срок от трех до 15 лет.

2. Если преступление, упомянутое в пункте 1 настоящей статьи, приводит к смерти одного или нескольких человек, исполнитель преступления наказывается тюремным заключением на срок от пяти до 15 лет.

3. Если при совершении преступления, упомянутого в пункте 1 настоящей статьи, исполнитель совершает умышленное убийство, исполнитель преступления подлежит тюремному заключению на минимальный срок в 10 лет либо тюремному заключению на срок в 30 лет» [30].

Аналогичное определение содержит ст. 419 УК Македонии [31].

В статье 389 УК Армении под международным терроризмом понимается «организация или осуществление на территории иностранного государства взрыва или поджога либо иных действий, направленных на уничтожение людей или причинение им телесных повреждений, уничтожение или повреждение зданий, сооружений, дорог и коммуникаций, средств связи или иного имущества, совершенные в целях разжигания международных осложнений или войны либо дестабилизации внутренней обстановки иностранного государства» [21].

По УК Белоруссии (ст. 126) объективную сторону международного терроризма также образуют «убийство или причинение телесных повреждений государственным или общественным деятелям иностранного государства либо причинение вреда их имуществу» [20].

В отечественном законодательстве термин «международный терроризм» не используется. Вместе с тем в п. 3 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» сформулировано иное понятие — «международная террористическая деятельность», которая определяется как «террористическая деятельность, осуществляемая:

а) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая значительный материальный ущерб интересам более чем одного государства;

б) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;

в) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление террористического характера совершено за пределами территорий этих государств».

Однако эти деяния не получили самостоятельной криминализации в УК РФ ни как самостоятельный состав преступления, ни как одно из обстоятельств, отягчающих ответственность террористов.

Изложенное позволяет констатировать серьезную дефектность национальных (внутригосударственных) правовых основ единой системы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. И во многом это связано с тем, что пока можно говорить лишь об условном, собирательном понятии международного терроризма, содержащем признаки ряда преступлений, которые мировое сообщество относит к таковым посредством международных договоров. Но не о юридически выверенном и точном его определении.

Именно поэтому уже на протяжении по крайней мере двух десятилетий

тий одними из ключевых вопросов в борьбе с международным терроризмом являются выработка и закрепление его общего определения и международно-правового состава преступления международного терроризма в универсальном международном договоре.

Некоторые аспекты международно-правовой криминализации международного терроризма

Этому предшествовало и сопутствует формирование *международно-правовой основы* системы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, которую ныне составляет широкий круг международно-правовых документов, в числе которых 40 антитеррористических международных договоров – 18 универсальных (14 документов и 4 поправки к ним) и 22 региональных [14].

Антитеррористическими международными договорами универсального характера являются:

– Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.;

– Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.;

– Протокол, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 2010 г.;

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.;

– Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1988 г.;

– Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц,

пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.;

– Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.;

– Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г.;

– Поправка к Конвенции о физической защите ядерного материала 2005 г.;

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.;

– Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 2005 г.;

– Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 г.;

– Протокол к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 2005 г.;

– Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 года;

– Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.;

– Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.;

– Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

К международным договорам регионального уровня относятся:

– Арабская конвенция о борьбе с терроризмом 1998 г.;

– Поправка к Арабской конвенции о борьбе с терроризмом 2008 г.;

– Арабская конвенция о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма 2010 г.;

- Конвенция Организации Исламская конференция о борьбе с международным терроризмом 1999 г.;
  - Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г.;
  - Протокол о внесении изменений в Европейскую конвенцию о пресечении терроризма 2003 г.;
  - Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.;
  - Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г.;
  - Конвенция ОАГ о предупреждении и наказании за совершение актов терроризма, принимающих форму преступлений против лиц и связанного с этим вымогательства, когда эти акты носят международный характер, 1971 г.;
  - Межамериканская конвенция о борьбе с терроризмом 2002 г.;
  - Конвенция ОАЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним 1999 г.;
  - Протокол к Конвенции ОАЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним 2004 г.;
  - Конвенция Совета сотрудничества арабских государств Залива о борьбе с терроризмом 2004 г.;
  - Региональная конвенция Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) о пресечении терроризма 1987 г.;
  - Дополнительный протокол к Региональной конвенции СААРК о пресечении терроризма 2004 г.;
  - Конвенция АСЕАН о борьбе с терроризмом 2007 г.;
  - Дополнительный протокол о борьбе с терроризмом к Соглашению между правительствами государств – участников Черноморского экономического сотрудничества в борьбе с преступностью, особенно в ее организованных формах, 2004 г.;
  - Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г.;
  - Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств 2002 г.;
  - Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма 2007 г.;
  - Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.;
  - Конвенция Шанхайской организации сотрудничества о противодействии терроризму 2009 г.
- Практически все они сводятся к закреплению обязательств государств:
- по криминализации и пенализации во внутригосударственном праве отдельных преступлений террористического характера (фактически описываются объективные признаки конкретных составов преступлений);
  - по формированию правовых основ отдельных аспектов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по делам о терроризме.
- Такое фрагментарное правовое регулирование предопределялось вспышками террора середины прошлого века и являлось реакцией на новые вызовы и угрозы, в силу которой большая часть международных договоров была направлена на борьбу с конкретными и ранее неизвестными видами террора, например с вооруженным захватом гражданских воздушных судов – преступлением, появившимся только в конце 60-х гг. XX в. В договоры конца XX – начала XXI в., наряду с обязательствами о криминализации новых форм террористической деятельности

стали включаться ссылки на обязательность для их сторон более ранних антитеррористических международных договоров, особенно заключенных в рамках ООН.

Например, *Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001)*² под терроризмом понимает деяния, признаваемые преступлением в одном из договоров, перечисленных в Приложении к ней (антитеррористических конвенций, заключенных под эгидой ООН), и как оно определено в этом договоре; а также любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон.

*Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16.05.2005)*³ не содержит дефиниции «терроризм», а определяет «террористическое преступление» как любое из преступлений, предусмотренных договорами, перечисленными в приложении

к этой Конвенции, в которое включены все универсальные антитеррористические международные договоры. Кроме того, согласно Конвенции, подлежат признанию преступлениями публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовка и подготовка террористов, другие деяния, рассматриваемые как сопутствующие (соучастие, организация и наставление других лиц, содействие).

Ни в одном из перечисленных международных договоров как универсального, так и регионального характера нет дефиниции «международный терроризм». Все они оперируют определениями конкретных видов террористических актов (захват заложников и др.), терроризма или террористических преступлений.

Нет такого определения и в единственном международном договоре, который в своем названии содержит этот термин – в *Конвенции Организации Исламская конференция о борьбе с международным терроризмом (Уагадугу, 01.07.1999)* [10], согласно которой:

– терроризм означает любой акт насилия или угрозу такого акта, независимо от его побудительных причин или намерений, который совершается ради осуществления единоличного или коллективного преступного плана с целью запугивания людей или угрозы нанесения им вреда, либо создания опасности для их жизни, чести, свободы, безопасности или прав, либо создания угрозы для окружающей среды или для любого объекта или любой государственной или частной собственности, либо завладения ими или их захвата, либо создания угрозы для отдельного вида национальных ресурсов или для международных объектов, либо создания угрозы для стабильности, территориальной целостности, политического единства или суверенитета независимых государств;

² Собрание законодательства РФ от 13.10.2003. № 41. Ст. 3947.

³ Собрание законодательства РФ от 18.05.2009. № 20. Ст. 2393.

– террористическое преступление означает любое преступление, которое было совершено, начато или в котором приняли участие ради достижения террористической цели в каком-либо из Договаривающихся Государств либо против его граждан, имущества или интересов или иностранных объектов и граждан, находящихся на его территории, и которое влечет за собой наказание согласно его внутреннему законодательству; а также преступления, предусмотренные в антитеррористических конвенциях ООН, за исключением тех, которые исключаются на основе законодательства Договаривающихся Государств или государств, не ратифицировавших их.

Таким образом, в ныне действующих международных договорах даны разнообразные дефиниции, относящиеся к так называемому внутригосударственному терроризму. А разработанные определения использованы государствами-участниками для криминализации терроризма в национальном уголовном законодательстве в качестве общеуголовных преступлений, отнесенных, как правило, по своему родовому объекту к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка [17, с. 266–294], что является составной частью внутригосударственного правопорядка.

В силу этого сформулированные в перечисленных международно-правовых документах определения терроризма не дают возможности для полного и четкого представления именно о международном терроризме как о преступлении, затрагивающем международные (межгосударственные) отношения, поскольку не учитывают того, что в отличие от внутригосударственного международный терроризм как преступление отягощен международной составляющей (так называемым иностранным элементом).

Данное обстоятельство проявляется в том, что международный терроризм по совокупности своих признаков существенно отличается от терроризма внутригосударственного тем, что:

- цели, объявленные террористами, затрагивают несколько стран;
- его начальный и конечный моменты имеют место на территории различных (нескольких) государств;
- средства на осуществление террористической деятельности поступают из-за рубежа;
- ущерб причиняется нескольким странам или международным организациям;
- жертвами преступления становятся граждане различных стран или участники мероприятий, проводимых международными организациями [36, с. 17].

Кроме того, международный терроризм – это деяние, посягающее на международный правопорядок, а его совершение (конкретные акты террора) направлено на достижение международно-противоправных целей.

В силу этого вполне справедливо заключить, что международный терроризм является преступлением, смыслом и целью которого являются нарушение основ международного права, посягательство на международный правопорядок.

Соответственно, акт международного терроризма должен влечь за собой не только индивидуальную уголовную ответственность лица (лиц), совершивших это деяние, но и международную ответственность государства-делинквента. Последнее вытекает из содержащегося в ст. 5 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества положения о том, что судебное преследование какого-либо лица, в частности за международный терроризм, не освобождает государство от ответственности по международному праву за

действие или бездействие, вменяемое этому государству [33].

Именно поэтому мы вправе констатировать, что современные международные договоры как универсального, так и регионального характера, с одной стороны, непосредственно направлены на криминализацию и пенализацию не международного, а внутригосударственного терроризма, а с другой стороны — имеют своей целью достижение единообразия (унификации) при определении понятия «терроризм» во внутригосударственном праве. Во всяком случае, в отношении получивших наибольшее распространение конкретных видов актов терроризма и террористических преступлений.

Однако, как представляется, это в значительной мере является полумерами, поскольку терроризм прогрессирует, постоянно видоизменяется в своих проявлениях, включает не только акты террора, но и организационно-идейные структуры (террористические доктрины и террористические организации) [8, с. 91], новые способы его совершения (например, кибертерроризм), а также способы рекрутирования новых adeptов (в последние годы на религиозной почве) [2, с. 152–159], трансформируется из явления, сопутствующего отдельным странам, в угрозу планетарного масштаба [15, с. 122].

В таких условиях формирование новых внутригосударственных и международно-правовых инструментов противодействия терроризму, без надлежащего учета его международной составляющей, обречено на постоянное отставание правового регулирования от практических потребностей борьбы именно с международным терроризмом, на создание не жесткого барьера на пути его распространения, а, образно выражаясь, «лоскутного одеяла», сотканного из международно-согласованной криминализации

в национальном праве запрета лишь отдельных актов терроризма, а не преступления международного терроризма в целом. Причем такая криминализация, даже если представить ее всесторонне согласованной и гармонизированной, оставляет государствам широкие возможности при определенных условиях самим решать вопрос о том, является ли то или иное деяние актом террора в конкретных условиях места и времени, принимая во внимание существующую политическую конъюнктуру. Ибо по условиям действующих ныне международных договоров не могут квалифицироваться как террористические акты насилия, совершаемые народами, борющимися против оккупационных и колониальных режимов за свое освобождение, а также в некоторых других случаях⁴. А как показывает практика, даже в случаях совершения актов насилия в отношении мирного населения, не принимающего участия в боевых действиях на чьей-либо стороне, массового захвата заложников из числа гражданских лиц, взрывов в местах массового скопления людей, непричастных к борьбе с оккупантами, находят сторонники оправдания таких актов терроризма со ссылкой на нормы международного права, прямо закрепляющие право на сопротивление, в том числе вооруженное, против колониального, национального и расового угнетения.

Изложенное оставляет простор для применения «двойных стандартов» в борьбе с терроризмом, ограничивает возможности наиболее заинтере-

⁴ Так, согласно ст. 2 упоминавшейся *Конвенции Организации Исламская конференция о борьбе с международным терроризмом*, «борьба народов, включая вооруженную борьбу против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и гегемонии, направленная на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами международного права, не рассматривается как террористическое преступление».

сованных государств в достижении позитивных результатов своей деятельности в борьбе именно с международным терроризмом. Выход из такой ситуации видится в согласовании и принятии путем заключения специального международного договора юридически обязывающего общепризнанного определения понятия «международный терроризм».

Это ни в коей мере не ставит под сомнение концептуальное видение преступления международного терроризма в науке международного права, формирование которого берет свое начало с первого Международного Конгресса по уголовному праву, проведенного в Брюсселе 26–29 июня 1926 г. Оно прошло сложный путь обсуждений в рамках последующих Конгрессов, принятия Лигой Наций Международной конвенции по предотвращению и наказанию актов терроризма 1937 г. – первенца международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере, активной деятельности государств в рамках ООН по подготовке и принятию современных антитеррористических конвенций, отточенное в рамках исследований проблематики международного терроризма, принятых ведущими представителями зарубежной и отечественной науки международного права [16, с. 55–66]. Именно это позволило выработать на уровне доктрины концептуальное понимание феномена преступления международного терроризма, использовать для борьбы с ним постепенно формируемый массив антитеррористических международно-правовых инструментов, а по мере накопления опыта поставить в повестку для международного сообщества вопрос о необходимости его непосредственной криминализации на международно-правовом, а затем и на внутригосударственном уровнях.

Современное состояние разработки международно-правового инструмента криминализации международного терроризма

На глобальном уровне в рамках Организации Объединенных Наций попытки выработки общепризнанного определения понятия «международный терроризм» предпринимаются начиная с *Резолюции Генассамблеи ООН № 49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма»* 1994 г. [12]. В ней определено, что «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или отдельных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого характера, которые могут приводиться в их оправдание».

Провозглашая намерение государств принять всеобъемлющие меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним во всех его формах и проявлениях, *Глобальная контртеррористическая стратегия ООН* на первое место ставит перед государствами задачу присоединения без промедления в качестве сторон к существующим международным конвенциям и протоколам против терроризма и их осуществления, *предлагает приложить все усилия для согласования и заключения всеобъемлющей конвенции о международном терроризме* [5].

Ввиду большого разнообразия уже имеющихся международно-правовых дефиниций актуальной задачей мирового сообщества является выработка именно единого определения, признаваемого максимально широким кругом субъектов международного права и членов международного сообщества.

Оно должно содержать наиболее общие признаки, закрепленные в уже принятых антитеррористических конвенциях и протоколах, в том числе уточнение формулировок целей, характерных для актов терроризма. Разработанное определение необходимо закрепить во всеобъемлющей конвенции, которая должна по возможности восполнить все пробелы в международно-правовом регулировании различных аспектов международного сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Такой подход лег в основу *Резолюции ГА ООН 51/210 от 17.12.1996* [13], согласно которой был сформирован Специальный комитет для разработки на первом этапе проектов международных конвенций о борьбе с бомбовым терроризмом и с актами ядерного терроризма. С 2000 г. он приступил к разработке и обсуждению проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

Делегации государств, принимающие участие в работе сессий Специального комитета, учрежденного Резолюцией 51/210, после длительного обсуждения пришли к выводу о том, что новая конвенция должна быть посвящена вопросам, которые не охвачены в существующих документах, и заполнила бы все лакуны, оставшиеся после заключения «тематических» конвенций. Эта позиция прямо повлияла на выработку понятийного аппарата конвенции [6].

Прежде всего разработчики проекта после длительной дискуссии определили, что *объектом международного терроризма* как преступления не являются внутригосударственные правоотношения и правопорядок⁵. Поскольку для этого деяния характерно присутствие «иностранный элемент», то объектами его посягательства

являются международный правопорядок, мир и безопасность.

Достигнутый по этой проблеме консенсус нашел свое выражение в преамбуле *проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме* (далее – Проект) [7], где указано, что «акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами Организации Объединенных Наций, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества» [7, с. 3].

Определяя в ст. 2 *Проекта* пределы действия будущей конвенции, разработчики следующим образом сформулировали понятие международного терроризма:

«1. Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно, используя любые средства, незаконно и умышленно причиняет:

а) смерть или тяжкое телесное повреждение любому лицу; или

б) серьезный ущерб государственному или частному имуществу, включая места общественного пользования, государственные или правительственные объекты, систему общественного транспорта, объекты инфраструктуры или окружающей среде; или

с) ущерб имуществу, местам, объектам или системам, упомянутым в пункте 1 (б) настоящей статьи, который влечет или может повлечь крупные экономические убытки, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

⁵ Дискуссионность этого вопроса отражена и в отечественной научной литературе [11, с. 305–306].

2. Любое лицо также совершает преступление, если оно правдоподобно и серьезно угрожает совершить какое-либо из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

3. Лицо также совершает преступление, если оно пытается совершить одно из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

4. Лицо также совершает преступление, если оно:

a) является соучастником в совершении одного из преступлений, указанных в пунктах 1, 2 или 3 настоящей статьи;

b) организует других лиц или руководит ими с целью совершения одного из преступлений, указанных в пунктах 1, 2 или 3 настоящей статьи; или

c) содействует совершению одного или более преступлений, указанных в пунктах 1, 2 или 3 настоящей статьи, группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:

i) в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы, когда такая деятельность или цель включает совершение одного из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи; или

ii) с осознанием умысла группы совершить одно из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи» [7, с. 6–7].

Согласно этому определению, объективную сторону международного терроризма составляют любые запрещенные законом деяния, последствиями которых может являться смерть, причинение телесных повреждений любой степени тяжести, серьезный ущерб любому имуществу, а также ущерб любому имуществу, который повлек или может повлечь экономические убытки.

Согласно Проекту, субъективная сторона международного терроризма характеризуется умыслом и специальной целью запугать население или заста-

вить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Мотивы международного терроризма для его квалификации как преступления значения не имеют, поскольку государства-участники должны будут принять меры для того, чтобы:

– преступные деяния, подпадающие под действие Конвенции, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким бы то ни было соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера (ст. 7);

– статус беженца не представлялся лицу, в отношении которого имеются серьезные основания полагать, что оно совершило какое-либо преступление, указанное в Конвенции (ст. 9);

– ни одно из преступлений, указанных в конвенции, не рассматривалось для целей выдачи или взаимной правовой помощи как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, вызванное политическими мотивами (ст. 16).

Субъектом международного терроризма Проектом признается физическое лицо. Одновременно, согласно ст. 11 Проекта, будущие государства-участники должны принять необходимые меры для того, чтобы можно было привлечь к ответственности уголовного, гражданского или административного характера юридическое лицо в случае совершения физическим лицом, ответственным за управление этим юридическим лицом или контроль за ним, преступления, предусмотренного конвенцией. Такая ответственность должна наступать без ущерба для уголовной ответственности физических лиц, совершивших это преступление.

Рассматривая проект Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме,

в целом следует обратить внимание на то, что в нем сам термин «международный терроризм» не упоминается (за исключением названия). В таких условиях разработчиками предпринята попытка сформулировать норму о том, что будущая конвенция будет применима именно к международному, а не внутригосударственному терроризму. Сделано это путем регламентации условий, при которых она не подлежит применению, в ст. 5 Проекта, согласно которой конвенция «не применяется в случаях, когда преступление совершено в одном государстве, предполагаемый преступник и потерпевшие являются гражданами этого государства, предполагаемый преступник обнаружен на территории этого государства и никакое другое государство не имеет оснований для осуществления своей юрисдикции» [7, с. 7–8].

Одновременно в Проект включена корреспондирующая со ст. 5 ст. 8 следующего содержания:

«1. Каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 2 настоящей Конвенции, когда:

а) преступление совершено на территории этого государства; или

б) преступление совершено на борту судна, плавающего под флагом этого государства, или воздушного судна, зарегистрированного согласно законам этого государства на момент совершения преступления; или

с) преступление совершено гражданином этого государства.

2. Государство-участник может также установить свою юрисдикцию в отношении любого такого преступления, когда:

а) преступление совершено лицом без гражданства, которое обычно проживает на территории этого государства; или

б) преступление совершено полностью или частично за пределами его территории, если последствия поведения или его желаемые последствия составляют на его территории преступление, указанное в статье 2, или приводят к совершению такого преступления; или

с) преступление совершено против гражданина этого государства; или

д) преступление совершено против государственного или правительственного объекта этого государства за границей, включая помещения посольства или иного дипломатического или консульского представительства этого государства; или

е) преступление совершено в попытке принудить это государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него; или

ф) преступление совершено на борту воздушного судна, эксплуатируемого правительством этого государства» [7, с. 9–10].

Проект к настоящему времени в полном объеме пока не согласован, в основе чего лежит несколько проблем, а именно:

— ряд делегаций, входящих в состав специального комитета, на протяжении всего периода разработки Проекта настаивают на необходимости того, чтобы в нем содержалось четкое определение международного терроризма, проводящее различие между ним и законной борьбой народов, проживающих в условиях иностранной оккупации и колониального или иностранного господства, за осуществление их права на самоопределение, которое закреплено в соответствующих документах ООН;

— по мнению ряда делегаций, для того чтобы Проект имел всеобъемлющий характер, он должен охватывать понятие государственного терроризма, включая деяния, совершаемые вооруженными силами государства.

В этой связи было отмечено, что определение терроризма в проекте ст. 2 должно охватывать действия отдельных лиц, командующих вооруженными силами государств или контролирующими вооруженные группы в ситуациях, когда такие действия не регулируются международным гуманитарным правом;

— другие делегации настаивают на том, что Проект представляет собой правоприменительный документ, предусматривающий индивидуальную уголовную ответственность, и что понятие государственного терроризма несовместимо с подходом, применяемым при разработке различных контртеррористических документов;

— при обсуждении высказана точка зрения, в соответствии с которой Проект не должен охватывать военную деятельность государств, так как эти аспекты уже охвачены различными правовыми режимами, включая правовые нормы об ответственности государств;

— в противовес этому отдельные делегации высказывают сомнения в целесообразности заключения именно Всеобъемлющей конвенции, если она не распространяется на все террористические акты.

В свете этого камнем преткновения для разработчиков стал проект ст. 3, нормы которой призваны разграничить сферу действия конвенции и других отраслей международного права⁶. По ее проекту среди разработ-

чиков отсутствует консенсус, а ожесточенные споры продолжаются уже несколько лет.

Тем не менее достигнутый прогресс позволяет заключить, что выработка общепризнанного определения «международный терроризм» в принципе возможна. Вероятно, именно поэтому, несмотря на незавершенность разработки Проекта, упомянутый Специальный комитет по поручению Генеральной Ассамблеи ООН приступил к подготовке созыва дипломатической конференции высокого уровня для обсуждения вопроса о противодействии международному терроризму.

Насколько ее проведение будет способствовать достижению консенсуса по вопросу о принятии Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, пока судить преждевременно. На наш взгляд, это обусловлено как минимум тремя серьезными недостатками Проекта, а именно:

1) расплывчатым определением понятия «международный терроризм», которое, как представляется, пока еще оставляет поводы для возможных политических спекуляций, а выработанный понятийный аппарат не позволяет уверенно и безошибочно квалифицировать преступление именно как международный терроризм, разграничивать его от близких по ряду признаков преступлений;

2) отказом разработчиков от реализации предложенного доктриной под-

⁶ Проект ст. 3 Проекта пока представлен в следующем виде:

1. Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает другие права, обязательства и обязанности государств, народов и лиц в соответствии с международным правом, в частности в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и международным гуманитарным правом.

2. Действия вооруженных сил во время вооруженного конфликта, как эти термины понимаются в международном гуманитарном праве, которые регулируются этим правом, не регулируются настоящей Конвенцией.

3. Действия, предпринимаемые вооруженными силами государства в целях осуществления их официальных функций, поскольку они регулируются другими нормами международного права, не регулируются настоящей Конвенцией.

4. Ничто в настоящей статье не оправдывает и не узаконивает иные противоправные деяния и не исключает судебного преследования в соответствии с другими нормами права.

5. Ничто в настоящей Конвенции не делает противоправными деяния, которые регулируются международным гуманитарным правом и которые не являются противоправными согласно этому праву.

хода, в соответствии с которым международный терроризм — это признанное в настоящее время преступление, согласно международному обычному праву, затрагивающее интересы всего мирового сообщества в целом, в связи с чем совершившие его лица должны подлежать уголовному преследованию в рамках системы международной уголовной юстиции, а участвовавшие в осуществлении актов терроризма государства подлежат международно-правовой ответственности через институт международных санкций;

3) отказом от криминализации и пенализации преступления международного терроризма именно на международно-правовом уровне, с возложением на государства обязанности по его криминализации и пенализации во внутригосударственном праве, что вряд ли возможно без учета традиций их правовых систем.

Иными словами, Проект, несмотря на название, фактически отказывается от юридического признания международного терроризма международным преступлением, то есть от его понимания как «тягчайшего преступления, угрожающего всеобщему миру, безопасности и благополучию» и как «самого серьезного преступления, вызывающего озабоченность всего международного сообщества» (определение согласно преамбуле Римского статута Международного уголовного суда).

В этой связи отметим, что фактический отказ от реализации в Проекте указанных доктринальных положений, продиктованный, вероятно, политическими мотивами, происходит на фоне того, что сама практика международной уголовной юстиции уже пошла по предложенному пути. Так, невзирая на то, что ныне терроризм не относится к международным преступлениям, международным сообществом создан международный судебный орган,

к юрисдикции которого отнесен терроризм. Речь идет о *Специальном трибунале по Ливану* (далее — СТЛ), в Уставе которого [24] определено, что его предметная юрисдикция определяется в первую очередь положениями УК Ливана, касающимися преследования и наказания за *акты терроризма*.

Такое определение предметной юрисдикции СТЛ является первым опытом отнесения терроризма к подсудности международного судебного органа [3, с. 55–68 ; 4, с. 3–13]. Вопрос об этом ставился и ранее: как в достаточно отдаленном от сегодняшнего дня прошлом (в Конвенции о создании Международного уголовного суда, открытой для подписания Лигой Наций 30.11.1937), так и в недавнее время (при разработке Римского статута Международного уголовного суда). К сожалению, безуспешно.

Возможно, что именно постепенное отнесение международного терроризма к юрисдикции отдельных органов международной уголовной юстиции и накопление на этой основе опыта уголовного преследования лиц, виновных в его совершении, могли бы способствовать последующему признанию международного терроризма международным преступлением, распространению на него юрисдикции международных уголовных судов, а также стать еще одним основанием для ускорения согласования общепризнанного понятия «международный терроризм».

Учитывая прогресс в разработке на международном уровне дефиниции «международный терроризм», отечественному законодателю вряд ли стоит оставаться в стороне от криминализации и пенализации этого преступления в отечественном уголовном праве. С учетом доктринальных положений и принимая во внимание вовлеченность в террористическую деятельность на территории нашей страны

«иностранный элемент», есть основания для рассмотрения по существу вопроса о дополнении УК РФ нормами об уголовной ответственности именно за международный терроризм.

Возможные возражения на такую постановку проблемы, связанные с отсутствием общепризнанного определения этого понятия, вряд ли могут считаться серьезным доводом против криминализации международного терроризма в отечественном уголовном законодательстве. Ибо, как учит история борьбы с терроризмом, первые нацио-

нальные законы об уголовной ответственности за него появились в мире задолго до признаваемой большинством государств дефиниции (первым специальным актом в этой области стал упоминавшийся выше Указ Временного государственного совета Государства Израиль о пресечении терроризма 1948 г. [38]) и по крайней мере за 15 лет до рождения первой антитеррористической конвенции ООН – Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.

Пристатейный библиографический список

1. Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам // Документ ООН A/59/565. 2004. 2 December.
2. Веселовский С.С. Цели и идеологическое обоснование глобального терроризма // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 152–159.
3. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 55–68.
4. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 3–13.
5. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. Резолюция ГА ООН 60/288, принятая 8 сентября 2006 г. // Документ ООН A/RES/60/288. 2006. 20 September.
6. Доклады Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г. // Документы ООН A/55/37, A/56/37, A/57/37, A/58/37, A/59/37, A/60/37, A/61/37, A/62/37, A/63/37, A/64/37, A/65/37, A/66/37, A/67/37.
7. Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г. Шестнадцатая сессия (8–12 апреля 2013 г.) // Документ ООН A/68/37.
8. Зябкин А.И. Проблемы юридической квалификации терроризма как международного правонарушения // Ученые записки юридического факультета. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1997. С. 85–84.
9. Иванов С. Причины возникновения международного терроризма и перспективы противодействия ему со стороны мирового сообщества // Оружие России. Информационное агентство. 2013. 07 октября // URL: <http://www.arms-expo.ru/055057052124051052049052.html>.
10. Конвенция Организации Исламская конференция о борьбе с международным терроризмом // Документ ООН A/54/637 – S/1999/1204. 2000. 11 October.
11. Кочои С.М. Терроризм в международном уголовном праве // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2005. № 2. С. 296–309.
12. Меры по ликвидации международного терроризма. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 // Документ ООН A/RES/49/60. 1995. 17 February.
13. Меры по ликвидации международного терроризма. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 51/210, принятая 17 декабря 1996 г. // Документ ООН A/RES/51/210. 1997. 17 January.
14. Меры по ликвидации международного терроризма. Доклад Генерального секретаря ООН // Документ ООН A/67/162. 2012. 19 July.
15. Самович Ю.В. О понятии «международный терроризм» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 120–123.
16. Саркисян М.А. Концептуальное видение преступления международного терроризма в науке международного права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2003. № 1. С. 55–66.

17. Сравнительное уголовное право. Особенная часть / под общ. и науч. ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ С.П. Шербы. М.: Юрлитинформ, 2010. 544 с.
18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма» // Документ ООН A/RES/49/60. 1995. 17 февраля.
19. Резолюция ГА ООН 51/210 от 17.12.1996 // Документ ООН A/RES/51/210. 1997. 17 января.
20. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 26 октября 2012 г. № 435-З). Минск, 2013.
21. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. Ереван, 2008.
22. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. М.: Зерцало, 1998.
23. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научн.-практич. комментарий / под ред. А.И. Рапога. М.: Проспект, 2010.
24. Устав Специального трибунала по Ливану // Резолюция 1757 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5685-м заседании 30 мая 2007 г. Дополнение // Документ ООН S/RES/1757 (2007). 2007. 30 May.
25. Code pénal Version à venir au 1 janvier 2014 (LOI n°92–683 du 22 juillet 1992 portant réforme des dispositions générales du code penal) [Electronic resource] – LegiFrance.gouv.fr. – Electronic data (1 file) // URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=318E38B3901DEDE98ADC1ABD98452F56.tpdjo03v_2?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20140101 (дата обращения: 19.12.2013).
26. Código penal de Brasil, DECRETO-LEI № 2.848. 31.12.1940. Presidência da República. Electronic data (1 file) // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del2848.htm (дата обращения: 15.12.2013).
27. Código penal de del Peru, 1924. Decreto Legislativo № 635. 03.04.1991. Electronic data (1 file) // URL: <http://www.devida.gob.pe/documentacion/Decreto%20Legislativo%20635-CODIGO%20PENAL.doc> (дата обращения: 10.10.2013).
28. Código Penal DE LA Colombia. LEY 599 DE 2000 (julio 24). Comisión Andina de juristas. Electronic data (1 file) // URL: <http://www.cajpe.org.pe/RIJ/bases/legisla/colombia/col-1.HTM> (дата обращения: 10.10.2013).
29. Council Framework Decision 2002/475/JHA of 13 June 2002 on combating terrorism // OJ L 164, 22.6.2002. P. 3.
30. Criminal Code of Montenegro of 2009 // Official Gazette of the Republic of Montenegro. № 70/2003 (Correction № 13/2004).
31. Criminal Code of Macedonia // URL: <http://www.answers.com>. Electronic data (1 file) // URL: <http://www.answers.com/topic/criminal-code-of-macedonia> (дата обращения: 01.10.2013).
32. Criminal Code Act Chapter 77 Laws of the Federation of Nigeria 1990. Explorez l'OMPI. Electronic data (1 file) // URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Nigeria/NG_Criminal_Code_Act_1916.pdf (дата обращения: 15.11.2013).
33. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind // Yearbook of the International Law Commission. 1996. Vol. II. Part Two. Chap. II. N.Y.: UN, 1996.
34. Decree Law No. 4/2001 رضح نأشب 2001 ن ن س ر ل
35. Indian Penal Code (accessed on 27 September 2007). Bibliography, criminal law of India; bibliographie, droit pénal de l'Inde. Electronic data (1 file) // URL: <http://www.vakilno1.com/bareacts/indianpenalcode/indianpenalcode.htm> (дата обращения: 01.12.2013).
36. Inside Terrorist Organization / ed. by David C. Rapoport. N.Y.: Columbia University Press, 1988. 259 p.
37. PENAL CODE (No. 15/1999/QH10) // SOCIALIST REPUBLIC OF VIET NAM, Ha Noi, day 21 month 12 (Unofficial translation).
38. Prevention of Terrorism Ordinance № 33 of 5708–1948 Official Gazette, No. 24 of the 25th Elul, 5708 (29th September, 1948).
39. Terrorism Act 2000, 2000 CHAPTER 11 // Printed in the UK by The Stationery Office Limited under the authority and superintendence of Carol Tullo, Controller of Her Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament.
40. Terrorism Act 2006, 2006 CHAPTER 11 // Printed in the UK by The Stationery Office Limited under the authority and superintendence of Carol Tullo, Controller of Her Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament.
41. The Penal Code of Finland (39/1889; amendments up to 650/2003 included). Unofficial translation. – Ministry of Justice, Finland, 2012.
42. United States Code (U.S.C.) // Legal Inform. Inst. (LII), Cornell Univ. Law School, 2011.